

Раньше это как-то не замечалось, но стоило окончить начальную школу, как пришло внезапное, острое осознание: детство безвозвратно ушло. И пусть сам Гоудань никогда не считал себя сопливым малым, возраст брал своё. Теперь же, когда ни ты сам, ни окружающие больше не видят в тебе несмышлёныша... это странное чувство трудно было облечь в слова. В китайской деревне тринадцать-четырнадцать лет — пора зыбкая: вроде ещё подросток, а спрос уже как с мужчины.

Когда Дачжуан мимоходом обмолвился, что собирается жениться, Гоудань просто опешил. Дачжуан был старше его всего на два года — он тоже окончил школу прошлым летом и учиться дальше не пошёл. Гоуданю казалось, будто они только вчера мастерили капканы на крыс и бегали на водохранилище купаться голышом да глушить рыбу руками, а тут вдруг закадычный друг заявляет, что обзаводится собственной семьёй.

Дачжуану без пяти минут стукнуло семнадцать. Высокий, плечистый, загорелый до черноты парень с белозубой улыбкой во весь рот, заговаривая о невесте, заметно робел и смущённо отводил глаза.

— Да ладно я, — Дачжуан поскрёб затылок. — У нас из класса ещё ребятам невесток подыскивают. Родители из кожи вон лезут, сватов засылают. Цинли помнишь? Вместе же учились. В следующем месяце свадьбу сыграют, отдадут её за парня из родни по материнской линии. Жених-то, говорят, на год младше её будет.

Он вздохнул, усаживаясь на поваленное бревно, и продолжил:

— Пройдёт совсем немного времени, и всем, с кем мы гоняли по улицам, семьи начнут подыскивать жён. Вот взять хотя бы Даню. Помнишь его? Он ведь всего на год тебя старше, шестнадцать парню. Болтают, он с девчонкой из соседней деревни, четвероклассницей, любовь крутил. Так родители её прознали, мать девчонки лично прибежала, устроила скандал на всю улицу! Орала, что Даня её дочку с пути истинного сбивает. И наотрез отказалась отдавать девку за него. Мол, семейка у них мало того что нищая, так ещё и баб за людей не считает.

Даня учился в одном классе с Гоуданем. Вечно хмурый, неразговорчивый, он всегда держался особняком.

— И этот нелюдимый ухитрился невесту сыскать? — искренне удивился Гоудань, дивясь странностям жизни.

— Да какая там невеста! — махнул рукой Дачжуан. — Отец у него мать почём зря колотит, дядя тоже горазды на жён кулаки распускать. В наших местах про мужчин из их породы дурная слава ходит, порядочную девушку за них никто не отдаст. Свахи и те за версту их дом обходят, говорят, грех на душу брать не хотят.

Дачжуан сплюнул сквозь зубы и заговорщицки понизил голос:

— Слышал, бабка его решила старшую внучку пустить на обменный брак, чтобы женить двух младших сыновей. Дядькам-то давно уже под тридцать, если сейчас бабой не обзаведутся, так и ковать им век бобылями. На них даже вдовы с детьми смотреть не хотят.

Гоудань с ребятами близко с Даней никогда не общался. Тот вечно дичился, в общие игры не лез. Поразительно было другое: как ребёнок из столь беспросветной семьи ухитрился не просто закончить начальную школу, но и учиться вполне сносно, держась крепким середнячком. Это казалось почти чудом.

— Так когда у тебя свадьба-то? — спросил Гоудань.

— Бабка сейчас по календарю благоприятные дни выбирает, — расплылся в улыбке Дачжуан.
— В общем, до того как вы в уезд уедете учиться, точно успеем. Так что давай, пойдёшь со мной невесту забирать!

Вдруг Дачжуан заговорщицки придвинулся ближе и зашептал на ухо:

— Слышь, тут бабы у колодца судачили... Похоже, кто-то на Ван Сюаня глаз положил. Хотят его к себе в дом примаком взять.

Гоудань аж подскочил:

— Что?! Кто это удумал?!

— Да тихо ты, не кипятись! — осадил его Дачжуан. — Я сам краем уха зацепил, как кумушки языками чесали. Дескать, парень сирота, лицом пригож, манерами ладен. Вот подрастёт немного — самое то в зятя принять, чтобы род продолжить.

— Чушь собачья! — вспылil Гоудань, сжав кулаки. — Делать этим пустомелям нечего! Наш Ван Сюань никогда в примаки не пойдёт. Он себе такую красавицу найдёт — у всех челюсти отвиснут! Пусть эти сплетницы свои рты на замок закроют.

— Да ладно тебе, не злись, это же просто бабские бредни, — примирительно пробасил Дачжуан. — К тому же вы ведь в город уезжаете, в среднюю школу. Грамотным людям примаками становиться ни к чему.

Все в компании знали, что Гоудань с Ван Сюанем нацелились на Уездную среднюю школу. Но Гоудань всё равно продолжал кипеть от возмущения. Жизнь примака в деревне сладкой не назовёшь: таких мужиков ни во что не ставили, за глаза кликали безродными прихвостнями да насмехались при каждом удобном случае.

Когда Дачжуан ушёл, Гоудань сразу напустился на вернувшегося с улицы Ван Сюаня, который как раз развешивал выстиранное бельё:

— Заруби себе на носу: никаких девок с их богатыми домами! Примаком ты не станешь никогда в жизни.

Ван Сюань так и замер с мокрой рубахой в руках.

— Это ты сейчас о чём? — недоумённо спросил он.

Гоудань в красках пересказал ему разговор с Дачжуаном. Ван Сюань выслушал, и на его губах появилась понимающая, чуть горькая усмешка.

— Не переживай ты так, — спокойно ответил он, вешая рубаху на верёвку. — Не пойду я ни к кому в примачи.

Он давно привык, что в деревне его считают белоручкой, непригодным для тяжёлого крестьянского труда. Но ведь он никогда не отлынивал от работы, в поле гнул спину наравне со всеми и мозолей не боялся. Неужто лишь потому, что он не уродился коренастым и чернокожим увальнем, его труды ничего не стоят?

Или местные до сих пор судили о нём по грехам покойного отца?

Дачжуан, уходя, только затылок почёсывал да глупо улыбался:

— Ну, в общем, чтобы пришли обязательно! Я ведь в первый раз женюсь, поджигает внутри так, что дышать трудно. Матушка мне и то толкует, и это... А у меня в голове каша, ничего запомнить не могу!

Гоудань закатил глаза. С такими-то куриными мозгами хорошо, если Дачжуан в день свадьбы дорогу к дому невесты не позабудет и собственную мать признает. В школе этот детина и тройку-то за экзамен почитал за великое счастье.

— А к свадьбе-то всё готово? Дом прибрали? — поинтересовался Ван Сюань. Ему часто доводилось видеть, как суетятся семьи перед женитьбой сыновей.

— Да почитай готово, — охотно отозвался Дачжуан. — Мать младших братьев из нашей комнаты выставила, переселила к двоюродным — потеснятся как-нибудь. Теперь у нас с молодой своя половина будет. Как деньжат подкопим, прирубим к дому ещё пару мазанок. Мы ведь делиться не собираемся, одним двором жить будем, так что много ли надо? Главное — угол свой есть. Одежду вот только шить не стали, у старшего брата праздничный пиджак одолжу.

— Как так? Без новой одежды? — удивился Гоудань.

— Да где уж там... Все деньги и тканевые купоны на выкуп ушли. Мать говорит, на один-то день ради форсу тратиться глупо, обойдусь хозяйским.

Гоудань насупился:

— А гулять с нами ты теперь вообще не будешь?

Дачжуан посерьёзней, вздохнул по-взрослому:

— Некогда теперь гулять, ребята. Матушка строго-настрого наказала: кончилась лафа. Надо в поле спину гнуть, жену да будущих ребятишек кормить.

От этих слов Гоудань даже растерялся. Он знал Дачжуана как облупленного — простодушный, весёлый детина, у которого в голове один ветер гулял. А гляди-ка: ещё под венец не встал, а уже рассуждает о долге, о семье.

Когда Дачжуан ушёл, Гоуданя охватило щемящее чувство потерянности. Ему казалось, что жизнь течёт лениво и однообразно, что они вечно будут звенеть беззаботным смехом на пыльных тропинках, а мир вокруг останется прежним. Но в один миг всё переменилось. Детство кончилось. Школа, казавшаяся бесконечной, осталась позади, а вчерашние товарищи по шалостям на глазах превращались в солидных мужей, обременённых заботами. Мир, ещё вчера такой понятный и привычный, вдруг обернулся чужой, пугающей стороной.

Гоудань вздохнул, потянулся и тоскливо уставился в небо.

"Как же всё быстро меняется..."

— Ну и жарыща в этом году... Хоть бы дождь пошёл, что ли.

— Так вчера же лило как из ведра, — отозвался Ван Сюань, не отрываясь от работы.

— Да?.. — протянул Гоудань. — Не заметил как-то.

Он лениво покачивался в гамаке, который сам же сплёл из толстых пеньковых верёвок. Ван Сюань тем временем вытащил на крыльцо свои нехитрые лекарские приспособления и принялся за дело. Раздался мерный, умиротворяющий стук ступки и шорох нарезаемых трав.

— Интересно, получил дядя Чэнь ту мазь, что мы ему отправили? Помогла ли она? — задумчиво протянул Гоудань.

— Обязательно поможет, — уверенно ответил Ван Сюань.

Он замолчал, сосредоточенно растирая сухие стебли. Все эти годы командир Чэнь Чжэнго не забывал о сиротах, присылал весточки и подарки. Только вот Гоудань при каждом упоминании о нём почему-то начинал смущаться и дичиться. Отдарить благодетеля им было особо нечем. Всё, что удавалось собрать в лесу — дикie абрикосы, лесную смородину, каштаны, — они бережно сушили, засахаривали и отправляли посылками в далёкую столицу. Гостинцы эти не стоили ни фэня, и ребятам всякий раз было неловко за свою бедность. Однако Чэнь Чжэнго в ответных письмах неизменно уверял, что его домашние в восторге от лесных лакомств, и слал тёплые благодарности.

Ван Сюань теперь, повзрослев, понимал: скорее всего, столичный гость просто щадил их гордость. В Цзиньду можно было достать любые деликатесы, разве нуждалась его семья в дешёвых сушёных каштанах? За пересылку коробки они платили больше, чем стоило всё её содержимое. Тогда, будучи детьми, они радовались как дурачки, а сейчас становилось стыдно.

— Больше не отправляй, — посоветовал Гоудань. — Коли мазь и впрямь хороша, он сам попросит.

— Всё равно заготовить надо, — упрямо качнул головой Ван Сюань. — Лишним не будет. Если что, сложим в наше сокровище, там не испортится.

А ведь всё началось с чистой случайности. В одном из писем Гоудань возьми да и проговорись, что А-Сюань прилежно штудирует трактаты по медицине, да только сокрушается, что практиковаться ему не на ком. Мол, снадобья у его друга выходят чудесные, да лечить в деревне некого. Чэнь Чжэнго тогда в шутку приписал в конце своего ответа: «Раз твой лекарь так силён, пусть пришлёт мне пару притинок. В последнее время старые раны на ногах житья не дают».

Ван Сюань отнёсся к просьбе со всей серьёзностью. Поскольку самого больного он не видел, давать снадобья для приёма внутрь побоялся — мало ли что. Вместо этого он приготовил целебную мазь, разложил её по глиняным баночкам, тщательно расписал способ применения и вложил листок в конверт Гоуданя.

В способностях названного брата Гоудань не сомневался ни секунды — так же, как и сам Ван Сюань безоговорочно верил в силу своего названного брата. За годы тайного учения они оба прекрасно осознали: книги и артефакты, хранящиеся в сокровище покойного Настоятеля, не имели ничего общего с обычной земной наукой. Это древнее наследие таило в себе огромную силу, раскрывать которую перед посторонними было смертельно опасно.

Глядя на то, какими примитивными методами лечит местный босоногий врач, Ван Сюань лишь укреплялся в мысли, насколько велик был Настоятель храма. Они переняли знания из одного источника, и если доведут дело до конца, то превзойдут любого земного лекаря.

Но чем глубже они погружались в таинства древних свитков, тем сильнее становился их

подспудный страх перед могуществом безвременно ушедшего мастера. Счастье ещё, что Настоятель покинул этот мир век назад, а его остаточная душа развеялась без следа. Эта мысль дарила покой, но и заставляла держать ухо востро. Если в мире уцелел кто-то подобный ему, они для такого человека окажутся не более чем жалкими муравьями.

В это же самое время в тишине военного госпиталя командир полка Чэнь Чжэнго задумчиво разглядывал лежащую на столе посылку. Перед ним высилась стопка бумаг, а рядом примостился завернутый в холстину свёрток: письмо и крошечный глиняный пузырёк, бережно заткнутый пробкой и обвязанный лоскутком красной материи.

Не торопясь откупоривать снадобье, Чэнь Чжэнго развернул письмо, проделавшее долгий путь из глухой провинции. Внутри обнаружились два аккуратных листка.

На первом размашистым, прыгающим почерком писал Гоудань. Слог у парня остался прежним — простым и напористым, однако за несколько лет учёбы в школе он хотя бы усвоил правила приличия. Вспоминая их самую первую переписку, Чэнь Чжэнго невольно усмехнулся: тогда ему приходилось буквально разгадывать каракули сопливого мальчишки, силясь понять скрытый смысл. Теперь же Гоудань толково расспросил о здоровье, коротко рассказал о деревенских новостях и приписал, что А-Сюань, узнав о его больных суставах, ночей не спал — варил особое целебное снадобье.

Отложив этот листок, командир разгладил вторую страницу. Почерк здесь был совершенно иной: каллиграфически выверенный, изящный, строчка к строчке. Настоящая улада для глаз, особенно после корявых каракулей Гоуданя.

"Сразу видно — умный растёт малый."

Чэнь Чжэнго даже подумал, что если впредь письма за двоих будет писать этот сирота Ван, его штабным писарям останется только лопнуть от зависти.

"Неужели сам сварил?"

Чэнь Чжэнго с сомнением покачал головой, разглядывая мутноватое содержимое пузырька. Когда Гоудань в прошлый раз хвастался талантами своего названного брата, командир лишь посмеивался, полагая, что малый просто набивает цену другу. А они взяли да прислали настоящее лекарство.

Обычно офицерам его ранга выписывали лучшие импортные препараты, а родственники в столице задействовали связи, чтобы проконсультироваться у знаменитых светил медицины. Вот только толку от этих именитых лекарей было мало. Все эти притирки и уколы приносили лишь временное облегчение. Стоило погоде перемениться, как суставы скручивало так, что хоть волком вой. Ломящая, ледяная боль проникала в самые кости, лишая сна и воли.

Профессора в один голос твердили: травма застарелая, вылечить её невозможно, терпите. Но с каждым годом привычные анальгетики помогали всё слабее. Ещё немного, и его окончательно спишут в тыл, на унылую бумажную работу. Сколько его боевых товарищей, крепких некогда мужиков, закончили службу инвалидами, доживая век в беспрестанных мучениях?

Чэнь Чжэнго тяжело вздохнул. Он понимал, что дети собирали эти травы с чистым сердцем. Перед глазами невольно возникли образы двух исхудавших деревенских мальчишек, какими он увидел их несколько лет назад. Было в них что-то такое... возможно, они напоминали ему кого-то из безвозвратно ушедшего прошлого. Иначе с чего бы суровому военному так печься о судьбе чужих сирот, которых он видел всего дважды в жизни?

<http://bllate.org/book/19654/1996727>